ОТВѢТЪ
ПРОФЕССОРУ ЗАГОРОВСКОМУ

ПРОФЕССОРА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА.

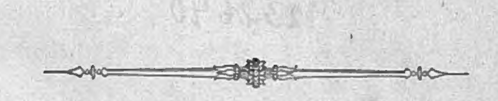
КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

ОТВѢТЪ

ПРОФЕССОРУ ЗАГОРОВСКОМУ

ПРОФЕССОРА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Дозволено цензурою. Г. Казань, 14 октября 1894 года.

Проф. Загоровскій выступилъ противъ моего „Учебника русскаго гражданскаго права“ съ очевиднымъ намѣреніемъ убить его и навсегда похоронить. Удалось ли ему это? Едва ли. При ближайшемъ разсмотрѣніи его критики легко убѣдиться, что это не болѣе, какъ покушеніе... съ негодными средствами. Если бы не имя профессора, подписавшагося подъ статьею, я никогда, конечно, не взялся бы отвѣчать на рецензію, написанную въ такомъ вызывающемъ духѣ и съ такимъ малымъ знаніемъ дѣла. Но вызовъ сдѣланъ собратомъ по оружію—и я его принимаю.

Предложенный мною учебникъ не претендуетъ на научную оригинальность. Онъ имѣетъ своею задачею доставить элементарное знакомство съ гражданскимъ правомъ, особенно для студентовъ, и въ этомъ отношеніи восполнить пробѣлъ, давно обнаруженный и весьма чувствительный для учащейся молодежи. Лекціи Мейера, при всемъ ихъ теоретическомъ достоинствѣ, отстали отъ движенія русскаго законодательства и это обстоятельство въ значительной степени уменьшаетъ ихъ учебное значеніе. Курсъ г. Побѣдоносцева не имѣетъ общей части и при томъ, по своему объему, выходитъ за предѣлы учебника. Трудъ г. Кавелина, по своему новаторскому характеру, не отвѣчаетъ задачѣ учебника, да и не составляетъ ничего цѣльнаго. Остальные же курсы, гг. Малышева, Цитовича, Дювернуа, представляютъ собою недоведенныя до конца попытки. Поэтому я считалъ себя обязаннымъ придти на помощь учащимся и дать имъ печатное руководство. Можетъ быть, я въ этомъ отношеніи поступилъ неприлично, предупредивъ моихъ старшихъ коллегъ, профессоровъ Гамбарова и Загоровскаго. Но что же было дѣлать, когда они не считали нужнымъ предложить свои курсы всей публикѣ. А потребность въ руководствѣ была настолько велика,

что на помощь уже выступили практики, гг. Анненковъ и Васьковскій. Неужели это не вызвало краски стыда на лицѣ моего почтеннаго коллеги или, можетъ быть, именно съ досады онъ обрушился на меня. Отъ кого же вправѣ общество ждать курсовъ, какъ не отъ профессоровъ, у которыхъ онѣ имѣются уже готовыми.

Или, можетъ быть, не все то, что читается въ аудиторіи передъ безотвѣтными слушателями, допускаетъ судъ публики? Такого соображенія придерживается мой почтенный критикъ. Но здѣсь мы съ нимъ радикально расходимся. Лекціи профессора должны быть подъ контролемъ гласности, чтобы нельзя было безнаказанно выдавать всякую чушь за науку, потому только, что она предлагается съ кафедры. Если не считаешь себя подготовленнымъ къ преподаванію, не усвоилъ себѣ предмета, не выработалъ системы—не всходи на кафедру. Въ противномъ случаѣ профессоръ попадаетъ въ весьма комичное положеніе, какъ мой почтенный коллега, проф. Загоровскій. Онъ признаетъ, что составленіе курса гражданскаго права дѣло весьма трудное и изданіе лекцій считаетъ большою смѣлостью, но эти соображенія не мѣшаютъ ему спокойно преподавать и обучать своихъ слушателей по литографированнымъ лекціямъ. Одно изъ двухъ: или его лекціи безукоризненны—тогда почему не подѣлиться съ публикою, или его лекціи страдаютъ крупными недостатками — тогда какъ же рѣшается онъ предлагать ихъ своимъ студентамъ въ руководство. Многоуважаемый коллега жалѣетъ моихъ слушателей потому, что они получаютъ изъ учебника не вѣрныя свѣдѣнія. Но въ какомъ положеніи его слушатели, когда онъ самъ признаетъ свой курсъ неподготовленнымъ къ печати.

Проф. Загоровскій не допускаетъ, чтобы мой учебникъ могъ быть удовлетворителенъ уже потому, что я не обладаю достаточною педагогическою опытностью. А какъ же безъ нея обходятся практики, издающіе систематическія руководства какъ на западѣ, такъ и у насъ. Да и не показалъ ли опытъ, что далеко не всегда лучше тѣ лекціи, которыя издаются на склонѣ лѣтъ, какъ результатъ всей педагогической дѣятельности. Сколько разъ читающая публика, которая привыкла смотрѣть на нѣкоторыхъ ученыхъ, благодаря ихъ журнальнымъ статьямъ, какъ на великихъ авторитетовъ, глубоко разочаровывалась, когда появлялся въ печати курсъ, на ко-

торомъ воспитывалось много поколеній. За примѣрами изъ нашей жизни дѣло не стало бы. Наоборотъ, можно указать лицъ, которыя выпустили свои курсы въ самомъ началѣ своей педагогической дѣятельности и, кромѣ благодарности, ничего иного не вызвали въ своихъ читателяхъ. Я позволю себѣ указать напр. на труды г. Малышева.

Наконецъ, мой почтенный коллега бросаетъ мнѣ обвиненіе въ многописаніи. Въ самомъ дѣлѣ, каждый годъ книга! Примѣняясь къ количеству времени, которое мой критикъ самъ удѣляетъ чтенію и писанію, онъ приходитъ къ неопровержимому выводу, что мнѣ нѣкогда читать. Дѣйствительно, ужасное положеніе—профессоръ, пишущій и ничего не читающій. Но мой многоуважаемый коллега упустилъ изъ виду, что не всѣ удѣляютъ равное количество времени на трудъ и неодинаково умѣютъ пользоваться временемъ, что книги являются результатомъ только чтенія и притомъ большого чтенія. Мой критикъ полагаетъ, что многописаніе не даетъ времени для чтенія, но увѣренъ ли онъ въ томъ, что малописаніе гарантируетъ многочитаніе. Какъ не много я пишу, однако съ этой стороны я въ значительной степени уступаю нашему извѣстному историку и публицисту, профессору Карѣеву— но кто читалъ его сочиненія, тотъ невольно выноситъ впечатлѣніе о громадной начитанности автора. Не a priori, а по работамъ можно судить, много ли читалъ человѣкъ. Ну, а безъ работъ—остается широкое поле для гаданія.

Приступая къ чтенію моего учебника, многоуважаемый коллега заранѣе составилъ себѣ мнѣніе о его достоинствѣ: молодой ученый, ежегодно выпускающій по книгѣ, слѣдовательно не имѣющій достаточно времени ознакомиться съ литературою предмета, дерзаетъ показать всѣмъ содержаніе своихъ лекцій, тогда какъ другіе, старшіе по годамъ и педагогической опытности, не рѣшаются на это, заставляя своихъ слушателей учить то, что неудобно показывать всей публикѣ. Что мнѣніе моего критика составлено такимъ путемъ, а не вслѣдствіе впечатлѣнія, вынесеннаго изъ чтенія книги, обнаруживается изъ предисловія къ его рецензіи и чрезвычайно слабой аргументаціи его замѣчаній. Злобный тонъ, проглядывающій сквозь строки рецензіи, дешевые анекдоты, выдуманные самимъ рецензентомъ ad hoc—невольно подрываютъ довѣріе къ безпристрастію критика и обнаруживаютъ плохо замаскированную jalousie de métier.

Проф. Загоровскій предъявляетъ большія требованія къ автору учебника. Противъ нихъ нельзя ничего возразить. Но въ тоже время мой уважаемый коллега упустилъ указать, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять критикъ. Попытаюсь отвѣтить за него, при чемъ считаю долгомъ замѣтить, что образецъ взятъ не съ него. Прежде всего критикъ долженъ проявить полную *внимательность* къ разбираемой работѣ. Онъ долженъ быть настолько же знакомъ съ книгою, какъ и авторъ. Поверхностное чтеніе черезъ строку можетъ поставить самого критика въ неловкое положеніе. Во вторыхъ, отъ критика требуется *добросовѣстность*, т. е. чтобы онъ передавалъ разбираемый взглядъ такъ, какъ онъ высказанъ самимъ авторомъ. Переставлять фразы, обрывать предложенія по усмотрѣнію рецензента, вкладывать автору непринадлежащія ему мысли и затѣмъ съ торжествомъ опровергать такія мнимыя ошибки—недопустимо для самыхъ заурядныхъ писакъ изъ дешевыхъ періодическихъ изданій. Подобный пріемъ со стороны ученаго критика представляется не только не позволительнымъ, но унижающимъ высокое званіе, носимое имъ. Наконецъ, въ третьихъ отъ критика ученаго требуется *безпристрастіе*. Разбирая мнѣніе автора, критикъ долженъ становиться прежде всего на его точку и разбивать заключенія, неправильно выведенныя изъ вѣрныхъ посылокъ, или же опровергать самыя исходныя положенія. Но странно, оставляя безъ вниманія основныя положенія автора, оспаривать правильно сдѣланные выводы. Нельзя считать ошибкою все то, что несогласно съ личнымъ взглядомъ самого критика.

При наличности указанныхъ трехъ условій, критика можетъ и должна имѣть благодѣтельное значеніе для развитія науки. Безъ критики успѣхи науки невозможны. Только путемъ противоположенія мнѣній можно дойти до правильныхъ выводовъ. Если всякому автору затруднительно вести лично корректуру, потому что посторонній глазъ легче замѣтитъ ошибки, то тѣмъ болѣе полезно сопоставленіе своихъ взглядовъ съ точкою зрѣнія другихъ лицъ, которыя чужды увлеченій автора и легче могутъ со стороны обратить вниманіе на неточности, неполноту, неясность, неправильность заключеній.

Что же представляетъ собою рецензія проф. Загоровскаго на мой учебникъ? Полное отрицаніе всѣхъ указанныхъ

условій порядочной критики. Мой уважаемый коллега нисколько не стыдится совершеннаго незнакомства съ моей книгой, которую, по всей видимости, онъ читалъ на сонъ грядущій. Дѣлая мнѣ возраженія, онъ думаетъ (не знаю, искренно ли), что разбиваетъ мои именно взгляды, а не собственныя измышленія. Все, что только не согласно съ его мнѣніемъ, представляется въ его глазахъ полнымъ невѣжествомъ. При такомъ отношеніи къ своей задачѣ, само собою понятно, что почтенный коллега достигъ одной цѣли—выругался (если это его облегчило, Богъ съ нимъ). Смѣшно сказать—изъ его рецензіи, занимающей 26 печатныхъ страницъ, я могъ извлечь только два цѣнныя замѣчанія: одно по вопросу о смѣшеніи понятій принадлежности и составныхъ частей и другое—о недостаточномъ выясненіи закона 1893, касающагося развода. Все прочее—лишній баластъ, изъ котораго я, при всемъ желаніи не могу извлечь ничего полезнаго.

Мой уважемый коллега ни словомъ не заикнулся о систематичности учебника, что по моему мнѣнію одно изъ обстоятельствъ не послѣдней важности. Проф. Загоровскій нигдѣ не останавливается на теоретическихъ конструкціяхъ, какъ будто ихъ въ учебникѣ не существуетъ. Можетъ быть, критикъ не признаетъ эти вопросы достойными вниманія или не разсчитываетъ на свои силы—вопросъ остается открытымъ. Но не странно ли, разбирая цѣлый учебникъ, остановиться на нѣсколькихъ частностяхъ и не замѣтить цѣлаго. Я говорю „нѣсколькихъ", потому что всѣ замѣчанія Загоровскаго сводятся къ 15. Допустимъ даже, что всѣ его замѣчанія были бы вѣрны—потерялъ ли бы учебникъ свою цѣнность, если онъ въ цѣломъ хорошъ? А если замѣчанія критика окажутся неправильными, то естественный выходъ отсюда, что учебникъ очень хорошъ, а едва ли мой уважаемый коллега желалъ и ожидалъ такого вывода.

Приступимъ же къ замѣчаніямъ строгаго критика.

Прежде всего уважаемый коллега обратилъ свое вниманіе на обычное право и нашелъ въ моихъ взглядахъ сплошное заблужденіе. Обычнымъ правомъ по моему опредѣленію называются юридическія нормы, которыя сложились силою бытовыхъ отношеній, независимо отъ верховной власти, и пріобрѣли въ сознаніи общества обязательное значеніе. Отсюда мой уважаемый коллега выводитъ, будто по моему мнѣ-

нію „обычаи это такія нормы, которыя прежде сложились силою бытовыхъ отношеній, а потомъ уже проникли въ сознаніе народа, какъ обязательныя правила". Но вѣдь не могъ же мой критикъ такъ увлечься этимъ мѣстомъ, чтобы пропустить все непосредственно слѣдующее, гдѣ я именно опровергаю подобный взглядъ, господствовавшій нѣкогда. Оставляю на совѣсти почтеннаго критика такой пріемъ. Не менѣе страннымъ кажется уважаемому коллегѣ мое мнѣніе, что для признанія наличности обычнаго права требуется между прочимъ соотвѣтствіе общепризнаннымъ нравственнымъ понятіямъ. „Тутъ смѣшаны разныя понятія. Существованіе обычнаго права вполнѣ возможно и при нарушеніи имъ общепризнанныхъ нравственныхъ воззрѣній. Разъ обычай возникъ, все равно, нравственный ли онъ или безнравственный, онъ существуетъ. Исторія сохранила не мало примѣровъ безнравственныхъ обычаевъ съ теперешней, современной намъ, точки зрѣнія, которые однако были правомъ въ то время". Я не понимаю, противъ чего возстаетъ уважаемый коллега. Въ свое время подобные обычаи, вѣроятно, соотвѣтствовали общепризнаннымъ нравственнымъ понятіямъ, потому и примѣнялись. А вѣдь я говорю о дѣйствующемъ въ наше время обычаѣ, объ обычаѣ, какъ источникѣ права и если критикъ желалъ поймать меня на неточности выраженія, то ему слѣдовало обратиться къ тому, что я называю источникомъ права. Тогда онъ понялъ бы, что я говорю о примѣненіи обычаевъ, такъ какъ источниками права я называю формы выраженія положительнаго права, которыя имѣютъ значеніе обязательныхъ средствъ ознакомленія съ дѣйствующимъ правомъ (Учебникъ, стр. 31). Уважаемый коллега упрекаетъ меня за то, что, говоря о примѣненіи обычая по русскому законодательству я даю неполныя свѣдѣнія, будто я не знаю ст. 1539 т. X, ч. 1. Но я неоднократно высказывался по поводу этой статьи, которая, по моему мнѣнію, относится не къ обычному праву, а къ заведенному порядку. Смѣшно говорить о незнаніи авторомъ статьи, которой онъ даетъ свое особое толкованіе. Значитъ, я намѣренно не говорю о ней въ данномъ мѣстѣ учебника и можно спорить только противъ моего толкованія этой статьи. Небрежность критика къ разбираемой имъ книгѣ доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ, когда онъ, разсматривая содержаніе страницы 35, заявляетъ будто я упустилъ

все наслѣдственное право у крестьянъ, состоящее подъ дѣйствіемъ обычнаго права, тогда какъ на этой именно страницѣ я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ.

По поводу весьма спорнаго въ нашей литературѣ вопроса о моментѣ вступленія въ силу закона, уважаемый критикъ потѣшается моимъ незнаніемъ. Не моментъ обнародованія закона въ губернскихъ вѣдомостяхъ имѣетъ значеніе, торжествуетъ мой критикъ, а другой, но какой, не сказалъ, а жаль. Если уважаемый коллега имѣетъ въ виду ст. 19 учрежд. прав. сен., прим. 1 изд. 1892 г., то не много нужно вниманія, чтобы понять, какъ мало это положеніе разрѣшаетъ сомнѣнія въ области гражданскаго права. Если даже я и придерживаюсь ошибочно одного изъ принятыхъ по этому спорному вопросу мнѣній, то во всякомъ случаѣ это не основаніе указывать на мое невѣжество, потому что при такихъ условіяхъ упрекъ будетъ обоюдоострый.

По поводу безвѣстнаго отсутствія почтенный коллега говоритъ слѣдующее. „Такимъ образомъ, согласно автору, 5 лѣтъ безвѣстнаго отсутствія совершенно достаточно для того, чтобы наслѣдники отсутствующаго стали собственниками имущества и это положеніе авторъ находитъ возможнымъ ставить въ своемъ учебникѣ, имѣя ст. 1244, т. X, ч. 1, но статьи авторомъ забыты, ихъ и нѣтъ на страницахъ его учебника“. Что прикажите дѣлать съ критикомъ, который берется за рецензію, не читая книги? Указанная статья упоминается на стр. 529 и здѣсь же говорится, что 5 лѣтній срокъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только передачу имущества во временное управленіе наслѣдниковъ, что лишь по истеченіи 10 лѣтъ открывается наслѣдство. Допустивъ явную ложь, мой уважаемый товарищъ, по видимому, не чувствуетъ ни малѣйшаго смущенія.

Проф. Загоровскому кажется невѣроятнымъ, чтобы незначительная примѣсь къ чистому хлѣбу или незначительное несоотвѣтствіе объема нанятаго парохода съ условленною вмѣстимостью могли не отразиться на силѣ сдѣлки. „Неизвѣстно на чемъ авторъ основываетъ такую снисходительность къ продавцу хлѣба и къ нанимателю парохода“. Но вѣдь при требованіи во всякомъ случаѣ строгаго соотвѣтствія ни одна почти сдѣлка не сохранила бы своей силы. Если у меня недостатокъ педагогической опытности, то почтенный коллега никакъ не можетъ похвалиться знакомствомъ съ практикою.

По моему опредѣленію обманъ является намѣренным возбужденіемъ въ другомъ лицѣ ложнаго представленія. Это понятіе стоитъ у меня въ соотвѣтствіи съ понятіемъ заблужденія, какъ отсутствія истиннаго представленія. Но вѣдь у моего критика есть свои готовыя опредѣленія и все несогласное съ ними, никуда не годится. „Обманъ есть такое намѣренное, противозаконное или безнравственное (?) введеніе въ заблужденіе однимъ участникомъ сдѣлки другого, что не будь этого заблужденія и самая сдѣлка не состоялась бы". Данное опредѣленіе страдаетъ совершенно излишнимъ присоединеніемъ признака причинности, но это было бы ничего, если бы почтенный коллега придерживался его. А то тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ даетъ другое опредѣленіе, сходное вполнѣ съ моимъ: „обманъ не тождественъ съ заблужденіемъ. Обманъ есть заблужденіе осложненное, вызванное постороннимъ вліяніемъ, именно другого участника сдѣлки". Спрашивается, изъ за чего же было копья ломать?

Въ моемъ учебникѣ практическое значеніе дѣленія вещей на раздѣльныя и нераздѣльныя сводится къ тому, что вещи нераздѣльныя во всѣхъ юридическихъ отношеніяхъ могутъ быть присвоены одному только субъекту, если не устанавливается общая собственность. „Итакъ, глубокомысленно заключаетъ мой критикъ, согласно автору и относительно имуществъ заповѣдныхъ, маіоратныхъ можетъ быть тоже установлена общая собственность, такъ какъ они недѣлимы по закону". Какимъ логическимъ процессомъ дошелъ уважаемый коллега до такого вывода, исходя изъ моего положенія? Виноватъ ли я, что, выпуская учебникъ, разсчитывалъ на обыкновенныя логическія способности, а не на экстраординарныя?

Критикъ не соглашается съ тѣмъ взглядомъ (слава Богу, не моимъ исключительно), что по нашему законодательству подлежитъ защитѣ только владѣніе въ видѣ собственности. Конечно, всякій воленъ держаться, какого ему угодно взгляда, (хотя бы лишеннаго всякаго смысла), но въ наукѣ не мѣшаетъ запастись аргументами. Нельзя же считать доказательствомъ заявленіе, что ст. 1314 уст. гражд. суд. „не задается цѣлью создавать исключеніе".

Давая опредѣленіе права собственности я позволилъ себѣ, за неимѣніемъ лучшаго, остановится на законодательномъ. Моему уважаемому коллегѣ извѣстно, что это опредѣленіе не

вполнѣ точно. Извѣстно это и мнѣ. Но критикъ на этотъ разъ не далъ своего лучшаго опредѣленія, а далъ только понять, что знаетъ такое. При моемъ незначительномъ знакомствѣ съ литературою незнаніе точнаго опредѣленія права собственности довольно извинительно. Но зачѣмъ же проф. Загоровскій держитъ его въ секретѣ, когда многіе тщетно ищутъ такого опредѣленія. „Знаю, а не скажу". Не хорошо, коллега, не по-товарищески!

Неограниченное пользованіе своимъ правомъ со стороны каждаго изъ смежныхъ собственниковъ могло бы повлечь фактическое стѣсненіе каждаго изъ нихъ, напр. спускъ воды на чужой дворъ. Это обстоятельство влечетъ за собою необходимость ограниченія права собственности. Кажется ясно? Но это только кажется. Въ этихъ словахъ многоуважаемый коллега находитъ замѣчательное право, противорѣчащее здравому смыслу, напр. спускъ воды на чужой дворъ. Во первыхъ, я говорю не о правѣ, а о возможныхъ послѣдствіяхъ неограниченнаго осуществленія права собственности, а во вторыхъ, неужели проф. Загоровскому неизвѣстно, какъ часты въ городахъ процессы изъ за того, что собственникъ дома, выше лежащаго, канавою спускаетъ дождевую воду къ сосѣду?

По поводу одного вопроса спорнаго и въ теоріи и въ законодательствахъ, а именно о вліяніи перехода права собственности на силу договора найма, ужаленный коллега удивляется тому, что я стѣсняюсь категорически рѣшить сомнѣніе. По его мнѣнію дѣло очень просто рѣшается на основаніи прямого указанія ст. 514, 521 и 1703 т. X, ч. 1 въ смыслѣ ненарушимости договорнаго права. Ахъ коллега, Вашими бы устами да медъ пить. Повѣрьте, что Вы не открыли этихъ статей, онѣ давно извѣстны практикѣ, но яснаго рѣшенія, воля Ваша, онѣ не даютъ, потому то и продолжаетъ существовать у другихъ сомнѣніе, отъ котораго Вы, слава Богу, освободились.

Многоуважаемый коллега не понимаетъ, что это за условія уединеннаго проявленія труда при которыхъ нанявшійся имѣетъ право требовать отъ нанимателя, и безъ соглашенія, корма и крова. А у меня приведенъ примѣръ—лѣсопильный заводъ въ глухомъ лѣсу. Неужели это трудно понять? Я разсчитывалъ на пониманіе лицъ, имѣющихъ аттестаты зрѣлости и не ошибся—подобныхъ недоразумѣній не возникало.

По поводу замѣчанія, что договоръ личнаго найма не создаетъ крѣпостной зависимости, проф. Загоровскій иронизируетъ: „не высокаго же мнѣнія авторъ о своихъ ученикахъ, предполагая у нихъ столь наивную мысль“. Ученики мои отлично понимаютъ, что я имѣю въ виду не крѣпостничество въ чистомъ видѣ. Но при болѣе высокомъ мнѣніи о профессорѣ, я могъ бы ожидать, что ему небезъизвѣстно, насколько въ жизни склонны придерживаться взгляда, что рабочій или слуга не можетъ отойти отъ нанимателя до срока, что ихъ можно удержать независимо отъ угрозы имущественною невыгодою, что у самаго законодателя вопросъ этотъ не вполнѣ выяснился, насколько можно судить по закону 1886 г. о наймѣ на сельскія работы.

У меня сказано: гражданскій бракъ впервые появился, вслѣдъ за протестатствомъ, отвергшимъ за бракомъ значеніе таинства, въ Голландіи въ XVI вѣкѣ, откуда перешелъ въ Англію. Противъ этого проф. Загоровскій возражаетъ, будто у меня выходитъ, что „гражданскій бракъ есть созданіе протестантовъ, а между тѣмъ самое широкое распространеніе гражданскій бракъ получилъ именно въ католической странѣ Франціи“. Но можно ли изъ положенія, что гражданскій бракъ явился вслѣдъ за протестанствомъ, дѣлать выводъ, что онъ явился у протестантовъ? По обыкновеннымъ законамъ логики нельзя. Странно и то, что мѣсто возникновенія уважаемый коллега опровергаетъ (противъ самого себя) мѣстомъ распространенія. Но вѣдь кому не извѣстно, что институтъ можетъ получить въ чужихъ странахъ большее примѣненіе, чѣмъ у себя на родинѣ. „Авторъ наивно утверждаетъ, что въ Англію гражданскій бракъ перешелъ изъ Голландіи, не зная, что въ Англіи были свои причины, вызвавшія гражданскій бракъ“. Но эти причины могли быть только условіями, предрасполагавшими къ принятію и распространенію гражданскаго брака.

Критикъ упрекаетъ меня въ незнаніи правила nemo plus juris и т. д., которое извѣстно каждому студенту изъ лекцій по римскому праву. Но профессору гражданскаго права должно быть извѣстно, что ипотечная система и торговое право настолько ослабили дѣйствіе этого положенія, что выдавать его въ настоящее время за юридическую аксіому по меньшей мѣрѣ смѣшно.

Встрѣчаются у моего почтеннаго коллеги и образцы

дѣтскаго непониманія. Такъ напр. по воду того же брака критикъ даетъ слѣдующее (вѣроятно остроумное) замѣчаніе: „смѣшно также разсужденіе автора, что во Францію гражданскій бракъ былъ принятъ французскою революцiей и утвержденъ кодексомъ Наполеона, точно принятъ палатами и утвержденъ министромъ“. Недурна и острота надъ терминомъ „искусственная семья“, который я придаю опекѣ. „Что же это за искусственная семья, дворянская опека или сиротскій судъ“. Я затрудняюсь дать объясненіе, опасаясь оскорбить понятливость и остроуміе уважаемаго коллеги.

Вотъ почти всѣ замѣчанія, которыя сдѣланы мнѣ моимъ уважаемымъ критикомъ и которыя дали ему право признать учебникъ никуда негоднымъ. Между тѣмъ отъ него, какъ профессора гражданскаго права, я могъ ожидать гораздо болѣе серьезныхъ возраженій и я дѣйствительно убѣжденъ, что таковыя могутъ быть мнѣ сдѣланы во многихъ отношеніяхъ, что̀ вызывается самою сложностью предмета. Но мой уважаемый коллега не пожелалъ выступить съ профессорскимъ достоинствомъ во всеоружьи, а ограничился средствами, которыя могли бы быть достаточны для начинающаго газетнаго критика. Неужели онъ оказался не въ силахъ, если уже имѣлъ желаніе стереть мой учебникъ съ лица земли, найти болѣе солидныя обвиненія? А вѣдь какая широкая и благодарная область представляется для критики серьезнаго, опытнаго и знающаго свое дѣло профессора. Почтенный коллега даже и въ гнѣвѣ не проявилъ величія. И эти то мнимыя ошибки, основанныя на мелочной придирчивости, онъ считаетъ порожденными culpa lata, quae dolo proxima est. Но понимаетъ ли коллега, что говоритъ: онъ приписываетъ мнѣ умышленное созданіе ошибокъ. Какой же мнѣ разсчетъ снабжать свой учебникъ ошибками, если не считать удовольствія выслушать замѣчанія почтеннаго критика. Если ошибки созданы намѣренно, то значитъ ихъ не было бы, если-бъ я хотѣлъ, значитъ учебникъ мой могъ быть образцовымъ; какъ же примирить съ этимъ недостаточность моей педагогической опытности, знакомства съ литературою? Упреки въ спѣшности моей работы вовсе не вызваны проницательностью критика, усмотрѣвшаго противорѣчія, упущенія, недостаточную систематичность и тому подобные признаки, указывающіе на то, что авторъ не охватилъ всего предмета, не хозяинъ въ своей наукѣ. Нѣтъ, эти

упреки основаны просто на томъ, что, по мѣркѣ самого критика, подобную работу такъ скоро нельзя окончить.

По мнѣнію моего критика мой учебникъ „базарная работа“, разсчитанная на неразборчивыхъ потребителей. Но вѣдь я зналъ, что на стражѣ интересовъ послѣднихъ стоятъ такіе аргусы, какъ проф. Загоровскій. Слѣдовательно я не могъ быть такъ неостороженъ. Странно упрекать меня за то, что я выпустилъ продуктъ, отвѣчающій потребностямъ дня. Вѣдь читаемые коллегою лекціи такой же продуктъ, но только не имѣющій, благодаря формѣ выраженія, такого значительнаго распространенія. Издавая учебникъ, я шелъ на встрѣчу потребностямъ моихъ слушателей, а также, можетъ быть, и другихъ. Но позвольте спросить Васъ, многоуважаемый коллега, какую цѣль преслѣдовали Вы, издавая свои „Очерки гражданскаго судопроизводства въ новыхъ административно-судебныхъ учрежденіяхъ“, 1892 г. Не научную ли? Не педагогическую ли? Въ чужомъ глазу...

